

Аналитическое задание

Провести целостный анализ текста – прозаического ИЛИ поэтического (по собственному выбору)

Проза

Выполните целостный анализ рассказа **В.П. Некрасова** «„Санта-Мария“, или Почему я возненавидел игру в мяч», приняв во внимание следующие аспекты его художественной организации:

- Подумайте, какое значение имеют образы кораблей в рассказе, символом чего становится для рассказчика «Санта-Мария».

- Как с этими образами связана тема детства?

- Обратите внимание на смысл заглавия и предложите свое понимание финала рассказа.

Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Виктор Некрасов

**«Санта-Мария»,
или Почему я возненавидел игру в мяч**

С балкона моей комнаты видно море. По нему с утра до вечера ходят теплоходы. Маленькие — раньше они назывались катерами, а теперь тоже теплоходами в Алупку, Симеиз, Форос. Большие подальше — в Одессу, Батуми. Все они белые, а большие с — красными полосами на трубах.

Я их умею уже отличать по очертаниям. Самая красивая и важная — это «Россия», самый большой — «Адмирал Нахимов»: у него две трубы и он не теплоход, а пароход. Остальные — «Петр Великий», «Крым», «Абхазия», «Литва», «Латвия» — те поменьше, но тоже красивые. По вечерам, обгоняя друг друга, носятся по морю красненькие прогулочные катера на подводных крыльях. Среди них один большой — «Стрела»: он развивает скорость до восьмидесяти километров в час и оставляет за собой невероятной длины белый хвост.

Раз в неделю привозит иностранцев немецкий лайнер с желтой трубой и длинным названием «Фольксфройндшафт», иногда появляется грек «Агамемнон», иногда румын.

Всех их я знаю, я к ним привык, полюбил. Но сегодня появилась «Альфа», и я не могу уже смотреть ни на важную «Россию», ни на стремительную «Стрелу». У «Альфы» три мачты и сероватые паруса. И идет она гордо, спокойно, величаво. От нее нельзя оторвать глаз. Она такая изящная, стройная. И, глядя на нее, хотя она только учебное судно, хочется быть флибустьером, отчаянно смелым и лихим, хочется, сидя на баке, пить ямайский ром, бегать по реям, кричать с марса: «Земля!», открывать Америку, быть Колумбом...

Я знаю: все это от детства, от прочитанных тогда книг. А вот нынешние десятилетние мальчишки? Дрожит ли у них что-то внутри, когда они видят живой парусник? Или все дети мечтают быть не флибустьерами, а космонавтами? Неужели это так?

Я привез из Америки одному мальчику подарок. Когда я увидел его, этот будущий подарок, на полке детского отдела большого нью-йоркского магазина, я сразу понял: оставшиеся деньги потрачены будут не на авторучки, не на клетчатые «безразмерные» носки, не на кальвадос «Триумфальная арка», а именно на нее — колумбовскую «Санта-Марию».

Рядом с «Санта-Марией» стояли: слева — «Куин Мери», справа — знаменитый авианосец, название которого я забыл. Но на них не хотелось даже смотреть. Я заплатил один доллар семьдесят пять центов и получил коробку удивительной красоты — на пестрой глянцевой крышке, надув паруса с алыми крестами, неслась по пенистым волнам океана прекрасная «Санта-Мария».

Когда через несколько дней я вручил эту коробку мальчику, которому она была предназначена, и когда он, открыв ее, увидел лежащую внутри в разобранном виде «Санта-Марию», он, мальчик, на какое-то время лишился дара речи, потом были крики, объятия, восторги, желание немедленно, тут же, сейчас же начать сборку легендарной каравеллы. Но родители сказали, что каравелла подождет до завтра, а сейчас пора ужинать и спать.

На следующий день утром была школа, потом пионерское собрание, а вечером надо было готовить уроки. Сборку и на этот раз отложили.

Назавтра мальчик опять ушел в школу, погладив на бегу коробку, а мы с его отцом, хозяином квартиры, в которой я всегда останавливаюсь, когда приезжаю в Москву, допив чай, закурили.

Кончив курить, отец мальчика сказал:

— А что, если мы сами начнем клейку? Сынок мой — товарищ не аккуратный, того и гляди чего-нибудь сломает, а мы с тобой...

— Что ж, можно... — сказал я.

Мы выключили телефон и пошли за коробкой.

«Санта-Мария» была пластмассовая и состояла из отдельных кусков. Отдельно палуба, отдельно борта, бок, ют, фок-, грот- и бизань-мачты, отдельно все реи, бушприт, надутые уже ветром паруса, флаги и вымпелы, отдельно и моряки, среди них, очевидно, и Колумб. Все перенумеровано. Ко всему приложен был чертеж и тюбик клея.

Мы сели за работу. Визит в издательство был отложен. Телефон, слава Богу, молчал. Когда пришел мальчик, которому подарена была «Санта-Мария», ему было сказано: «Не мешай, иди готовь уроки» — в этот момент приклеивался кливер, а это дело нелегкое.

Вечером должны были прийти гости, но им позвонили, что-то наврали, и работа продолжалась. Иногда к нам в комнату заглядывал хозяин «Санта-Марии» и просил, чтобы ему разрешили приклеить к мачте вымпел, но отец пристыдил его, напомнив, как плохо он наклеил неделю тому назад в ботанический альбом паслен, и хозяин каравеллы вынужден был уходить, а вымпел мы приклеивали сами.

Но гости все же пришли. Не те, а другие, совсем неожиданные. Мы с отцом хозяина «Санта-Марии» возненавидели их на всю жизнь. Они сидели до часу ночи, говорили о всякой ерунде — о литературе, какой-то выставке в Манеже, театре «Современник», о своей поездке в Армению, а мы мрачно курили, иногда переговариваясь между собой, куда надо приклеить деталь № 57, которой на чертеже почему-то нет.

В этот день мы легли... В общем не важно, когда мы легли, — утром «Санта-Мария» гордо стояла на своей подставке на самом видном месте, и свежий атлантический ветер упорно надувал ее паруса с большими алыми мальтийскими крестами. Марсовый бушприта смотрел в подозрную трубу. «Санта-Мария» неслась на запад в поисках Индии...

Хозяин «Санта-Марии» был в восторге. Друзья его тоже. И друзья отца тоже. И дети друзей отца тоже. Все щупали паруса, ванты, приклеенных к палубе моряков, а мы с отцом говорили: «Осторожно, не трогайте пальцами, может быть, клей еще не совсем засох», — и все были довольны и сетовали на нашу игрушечную промышленность, которая почему-то не делает такие милые игрушки, — ведь можно было сделать «Три святителя» или какой-нибудь другой знаменитый корабль.

Место для «Санта-Марии» было выбрано на невысоком книжном шкафу. Время от времени мы к ней подходили и что-нибудь на ней подправляли или слегка поворачивали, чтобы она красивее выглядела с того или иного места. Несколько дней шел спор, в какую сторону должны развеяться вымпелы — вперед или назад. Одни говорили назад, другие — вперед, доказывая, что ветер дует сзади, по ходу корабля, а не спереди. Но договориться так и не удалось.

С появлением «Санта-Марии» комната сразу стала красивее. Порой казалось, что в ней пахнет водорослями, рыбой, соленым морским ветром. Сам хозяин каравеллы, парень ехидный и с юмором, сказал как-то, что, скорее всего, пахнет джином или ромом. В наказание он был отправлен, как всегда в таких случаях, учить уроки.

В воскресенье к мальчику в гости пришел другой мальчик. Родители ушли по делам, и старшим в квартире остался я. Дети начали играть в мяч, а я ушел в соседнюю комнату то ли писать, то ли читать, то ли спать. Уходя, я сказал:

— Смотрите, играйте в мяч осторожно, не попадите в каравеллу.

Дети обещали не попасть в каравеллу и начали осторожно играть в мяч.

Минут через пять что-то с грохотом упало — и воцарилась могильная тишина. Я выскочил в соседнюю комнату. «Санта-Мария» лежала на полу с поломанными мачтами. На мальчиках не было лица.

Я страшно рассердился, накричал на мальчиков и даже дал им несколько подзатыльников, чего со мной до сих пор никогда не случалось. Мальчики обиделись: «Ведь мы ж не нарочно», а я подобрал каравеллу и унес ее в другую комнату.

На починку ушло не меньше часа. Грот-мачта сломалась пополам, и срastить ее было не так-то просто. Две другие мачты, к счастью, только погнулись, но порвались и попутались ванты — с ним тоже пришлось повозиться.

В конце концов я все-таки восстановил каравеллу. Сейчас она по-прежнему стоит на своем месте, и попутный ветер по-прежнему никогда не изменяет ей. Обидно другое: буквально через три минуты

после катастрофы мальчишки как ни в чем не бывало опять начали свою идиотскую игру в мяч, начисто забыв о Колумбе, бом-брамсеях, гиках, стенгах, клотиках и соленых брызгах.

С тех пор я навсегда возненавидел игру в мяч и еще больше мне захотелось убежать юнгой на корабль.

А может, на «Альфе» нужен библиотекарь?

1962

Поэзия

Выполните целостный анализ стихотворения А.А. Тарковского «Верблюд», приняв во внимание следующие аспекты его художественной организации: из каких деталей-образов складывается описание верблюда; какую лексику использует поэт при создании его образа; как композиционные особенности стихотворения помогают понять его смысл.

Ваша работа должна представлять собою цельный, связный, завершённый текст.

Арсений Тарковский

ВЕРБЛЮД

На длинных нерусских ногах
Стоит, улыбаясь некстати,
А шерсть у него на боках
Как вата в столетнем халате.

Должно быть, молясь на восток,
Кочевники перемудрили,
В подшерсток втирали песок
И ржавой колючкой кормили.

Горбатую царскую плоть,
Престол нищеты и терпенья,
Нещедрый пустынный-господь
Слепил из отходов творенья.

И в ноздри вложили замок,
А в душу – печаль и величье,
И верно, с тех пор погремок
На шее болтается птичьей.

По Черным и Красным пескам,
По дикому зною бродяжил,
К чужим пристрастился тюкам,
Копейки под старость не нажил.

Привыкла верблюжья душа
К пустыне, тюкам и побоям.
А все-таки жизнь хороша,
И мы в ней чего-нибудь стоим.

1983

Творческое задание

В литературе немало примеров, когда писатели предваряют тексты своих произведений эпиграфами (вспомните ту же «Капитанскую дочку» А.С. Пушкина). Представьте себя в роли писателя и к каждому из предложенных произведений подберите по одному из эпиграфов. Выбор каждого из них кратко обоснуйте (5-7 предложений): «Недоросль» Д.И. Фонвизина, «Горе от ума» А.С. Грибоедова, «Тарас Бульба» Н.В. Гоголя.